

Литературный вестник
г. Москва

38 декабря 1985 года ♦ № 51 (5065)

ЗАРУБЕЖНАЯ КУЛЬТУРА

СЮЖЕТ

ДЛЯ ЧАРЛИ ЧАПЛИНА

НА ЮГЕ Франции, вблизи Ниццы, есть городок Сен-Поль-де-Ванс. Старую феодальную крепость еще в начале века облюбовали художники. В мэрии вам дадут справку: сегодня в Сен-Поль-де-Вансе работают свыше ста известных живописцев и скульпторов.

Мне доводилось гостить в доме Марка Шагал. Тогда-то я и узнал, что здесь живут еще два художника русского происхождения: Фред Витте и Серж Менджиски.

Галерея Сержа Менджиски — у самого въезда в город.

Я знал о нем лишь одну подробность: весной 1983 года на муниципальных выборах четвереста жителей Сен-Поль-де-Ванса вписали в свои избирательные бюллетени имя художника-коммуниста Сержа Менджиски.

КОРНИ

— Вы родились во Франции?

— Да, в 1929 году. Мой отец Морис Менджиски был художником. Имя его вы найдете у истоков всех крупных начинаний в искусстве двадцатых — тридцатых годов, рядом с именами Поля Элюара, Поля Вайяна-Кутюрье, Пабло Пикассо, Луи Арагона и многих других выдающихся литераторов, художников, музыкантов. В предвоенную эпоху, как, может быть, никогда, возросла роль прогрессивной интеллигенции в жизни общества. Благодаря отцу я рос в этой атмосфере с детства лет.

— Как он оказался во Франции?

— Вскоре после революции тридцатилетним художником отец поехал учиться в Берлин. Оттуда отправился во Францию, чтобы увидеть Париж. И тут судьба его приняла неожиданный поворот. Он познакомился с моей матерью, они полюбили друг друга и поженились. С 1924 года отец осел в Париже. Здесь существовала в ту пору так называемая «Кооперативная типография Этуаль», издательство со смешанным франко-советским капиталом, выпускавшее книги на русском и французском языках. Во главе дела стоял муж сестры моей матери, он руководил типографией вплоть до 1940 года и по делам службы часто ездил в Москву. Когда во Францию пришли гитлеровцы, он был арестован и расстрелян. В этом издательстве, ставшем чем-то вроде клуба левых интеллигентов, и работали мои родители.

Потом война. Она застала нас на юге Франции, в Сен-Поль-де-Вансе. В десять лет я оказался совершенно один на свете: были арестованы отец, мать, старший брат. Что было делать? В январе 43-го я вернулся в Париж и, сказавшись шестнадцатилетним, пошел разгружать вагоны на станцию. Спать я устроивался в подвездах, на решетках метро. Так продолжалось три месяца, пока я не разыскал друзей отца. Я не ошибся: все они участвовали в Сопротивлении и, конечно, приняли меня в свои ряды. Началась жизнь, полная опасностей: мне, подростку, удавалось то, что не плечу было взрослому. И все же однажды меня захватили с чemoданом, в котором было десять револьверов. Допрос в гестапо продолжался пять дней. Я потерял счет побоям, ранам, мою левую руку совсeм вли в деревянную «перчатку» и сжимали — видите, даже через сорок лет остались следы от пыток? Я до сих пор почти не могу пользоваться левой рукой. Я кричал, но держался: они так и не узнали, откуда револьверы и кому я их нес.

Меня отправили в Компьень, в лагерь, откуда путь был либо в Германию, либо под расстрел. Но тут мне здорово повезло: офицер-эльзасец помог мне бежать. Я снова вернулся в Сопротивление. Кончилась моя война в госпитале, где я оказался между жизнью и смертью, получив в живот автоматную очередь — из пяти пуль. И вот на память о войне мне осталось свидетельство молодого участника Сопротивления под № 1. Такие удостоверения были выданы тем, кому было от 13 до 15 лет.

— Вы знали что-нибудь о вашей семье?

— Ничего вплоть до освобождения. Старшего брата, командовавшего отрядом маки, фашисты взяли в плен и в отместку за молчание вырвали ему язык, а потом расстреляли. Теперь в Ницце есть школа Клода Менджиски. Страшно пыткам в тюрьме была подвергнута мать, арестованная за распространение подпольной «Юманите». Все же родители мои вышли и после войны встретились. Но в их отношениях что-то надломилось: они расстались. Вот такое у меня вышло детство: вместо игрушечных револьверов я играл в настоящие. Не которое время я жил с отцом, учился в художественной школе. Потом ушел из дома, остался один, без жилья и заработка. По совету друга уехал в Рим. У него была насчет меня одна странная идея...

— А что?

— А то, — сказал Менджиски, — сюжет для Чарли Чаплина.

Сидя за столом человек поднял куластую голову, буркнул в ответ: «Бонжур!» Серж поведил каждую ночь ходить в этот загадочный теплый подвал. Но однажды среди ночи его врасплох застал человек с явно хозяйскими повадками.

«Кто такой?» — «Студент живописи...» — «А ну, сейчас увидим, какой ты студент: бери бумагу, карандаш и рисуй!»

И сел позировать, скрестив руки.

Через час они сделались лучшими друзьями: портрет удался на славу. И тут только Серж узнал, где же он коротал ночи: это была сторожка городского аукциона. Шестнадцать на неделю аукцион принимал то, что веками копили поколения, а по четвергам устраивал шумные, бойкие распродажи. «Постой!» — выслушав невеселую историю Сержа, обратился хозяин аукциона к сторожке. — Что там у нас из одежды есть? Кровать можем ему подобрать? Перина найдется?»

Утром консьерж дома увидел поистине театральное шествие: за новым постояльцем, выряженным в мундир офицера французских колониальных войск, двое рабочих несли кровать с балдахином. «Вы выезжаете?» — спросил консьерж.

В среду кровать унесли. «Вы выезжаете?» — осведомился консьерж.

Но он вернулся — на сей раз в английском смокинге, а следом несли железную кровать и подушки.

Маскарад продолжался два месяца. В конце концов не выдержал консьерж: по его настоянию дюжие санитары принесли Сержу на дом новый наряд — смиренную рубашку.

— Я рассказал однажды эту историю Чарли Чаплину, когда он был у меня в гостях. Он без удержу смеялся и решил сделать фильм, взяв с меня слово, что я напишу сценарий. Но только я взялся писать, как пришло горькое известие: Чаплин умер.

— Как сложилась ваша жизнь дальше?

Друзья вызволили меня из психбольницы. Я учился, рисовал и, представьте, даже женился, стал отцом. Но бедствовать приходилось и дальше. Жена меня бросила, оставив мне сына, — это мой старший. Однажды я пришел к Пикассо, с которым познакомился в доме отца, и сказал: хватит с меня юга, я должен попытаться счастья в Париже. «Малыш, — сказал мне Пикассо, — там тебе нужны будут деньги. Возьми вон ту маленькую картинку...» Так я и вернулся в Париж, держа на руках четырехлетнего сына, а подмышкой — картину Пикассо. Пошел работать гравером в типографию, а все свободное время рисовал. Потом пришло признание, успех.

ХУДОЖНИК И ДЕНЬГИ

Серж Менджиски стал модным художником. Отбоя не было от заказчиков. Критики по-

святили его творчеству статьи, крупнейшие музеи мира обзаводились его картинами. А он, облаканный славой, с размаху налетел на скалу...

Шел 1963 год. Знаменитый дирижер Раймон Легран предложил художнику сделать декорации к музыкальному спектаклю о Жанне д'Арк. Они работали три месяца, подружились. Однажды ночью Легран чуть не плача явился к Менджиски: все поставлено на карту! Его нотариус сообщил (письмо нотариуса было в руках у Легра), что деньги для финансирования спектакля он нашел, но все, кто обещал их ссудить, сейчас в отпуске и вернутся лишь через месяц. А ждать месяц он не может: надо платить актера, музыкантам, рабочим. «Слушай, можешь ли ты одолжить мне эти деньги?»

Требовалось точно выплатить на стол миллионы франков. Серж задумался: таких денег у него не было. Но на месяц-полтора он мог, пожалуй, поучиться за Легран в своем банке: он там уважаемый клиент.

Провал был блистательным. Музыка, пьеса, постановка — все подверглось разному, един лишь декорации удостоились похвалы критиков. Легран двумя чеками на два разных банка вернул Сержу

условно, приняв в расчет «чистосердечное раскаяние» и обязательство сквитать — долги. Серж стал к мольберту. Он завел список кредиторов — людей, которых никогда не видел, не знал, и работал днями и ночами. Этот список постепенно сокращался. Серж Менджиски был нарахват: ему заказывали портреты президенты, премьер-министры, его наперебой приглашали богачи из США...

В эту-то пору в дверь его дома однажды позвонил гость из США. Он отрекомендовался владельцем пятидесяти картинных галерей. У Сержа нашлось 25 полотен, посетитель с ходу забрал их все. Уходя, он заверил, что через несколько месяцев появится снова и готов оптом забирать все, что Менджиски напишет впредь.

ЕЩЕ СЕМНАДЦАТЬ ИСКОВ

«Благодетель» сдержал слово: визиты его сделались регулярными. «Мсье Менджиски, — сказал он через год знакомства, — для моих 50 галерей-магазинов требуется много картин. Могли бы вы рекомендовать меня вашим друзьям-художникам?» Обойдя всех, кого назвал Серж, американец разом купил 150 картин. Он не очень торговался, а главное, тут же выкладывал наличными и сам улаживал докучные таможенные формальности.

И вот «ангел» снова в Пари-

се, семнадцати братьям по цеху, еще 5 миллионов франков в качестве штрафа наложив французская таможня, ибо картины, экспортированные в США, в течение трех месяцев не были ни проданы, ни возвращены на родину, как того требует закон, плюс ко всему за «нарушение экспортных правил» и «злоупотребление доверием» его приговорили к двум годам тюрьмы. В сорок лет, в самом расцвете творческих сил он из одной долговой ямы попал в другую, зарешеченную.

РОКОВОЙ ДЕНЬ

Серж Менджиски нанял адвокатов во Франции и США и возбудил процесс с целью вернуть арестованные за океаном картины. Но грядущие события несли ему новый урок и опыт: поистине, если уж тебя сбил с ног и поволокла беда, предела нет.

Ранним утром — было лето 1976 года — он увидел из окна двух жандармов. С одним из них Серж сидел за школьной партой. Он вышел навстречу и спросил, с чем это они пожаловали ни свет ни заря.

— Беда, Серж, — прятал глаза школьный оварич, — Мы пришли к тебе... это... забрать в тюрьму.

— Народно? — почти рефлекторно отшутился художник.

— На пять лет.

Итак, судебная машина снова пришла в движение, на этот раз по иску таможни. Это единственное во Франции учреждение, интересы которого защищает старый, четырехвековой давности закон: не погашенная в течение года задолженность механически приравнивается к году тюрьмы. Году! А тут целых пять: такой

И надо было, чтобы городо художников Сен-Поль-де-Ванс охватил стыд и гнев за это многолетнее беззаконие и чтобы этот нравственный рефлекс вылился в коллективную петицию президенту республики. Ее подписали мэр, муниципальный совет в полном составе, местные депутаты парламента, сотни жителей. Серж освободили из тюрьмы и отправили к детям, а его двадцатилетнее досье отдали на доследование. Через полтора года вердиктом высшей судебной инстанции он был признан невиновным по всем статьям.

СЧАСТЛИВЫЙ ДЕНЬ

Все-таки он везучий человек. Когда его уже совсем растоптал своими законами золотой телец, когда, казалось, глаз забил цвета, а рука разучилась держать кисть, когда он уязв в четырех или пяти процессах, тут он возмолвился и сказал старшему сыну: пожалуйста, приведи ко мне кого-нибудь из своих друзей, кто ищет работу, я не сразу, но заплачу! Так в доме появилась Патриция и взялась за разбор судебных бумаг. Он готовил первую после пережитого крушения выставку — в Лондоне. Открылись старые раны, доктора требовали операции. «Только после выставки!» — твердил он. И, может, был прав: успех вернул его к жизни, хотя операция была тяжелее, чем в 1945 году, когда из него вынули пять пуль. Дом свой после больницы он нашел странно ухоженным, в нем хлопотала любящая рука... Патриция подарила ему близнецов: а мой пленке источно вопл под нашу беседу с отцом Игорь и Ольга.

За полгода до этого дня закончился процесс в Америке. 800 полотен, пролежавших полтора десятка лет на нью-йоркской таможне, стали собственностью Сержа Менджиски. Они за это время сильно вздорожали в цене.

Издан альбом-монография о его творчестве. Я внимательно прочел увесистый том: этапы, циклы, свершения, выставки, школа... И ни слова — о чудовищных драмах, ломавших его жизнь. Подумалось: сколько раз, листая подобные монографии, мы многое узнаем о творческих и духовных исканиях художника, но ничего о том, как это все происходило!

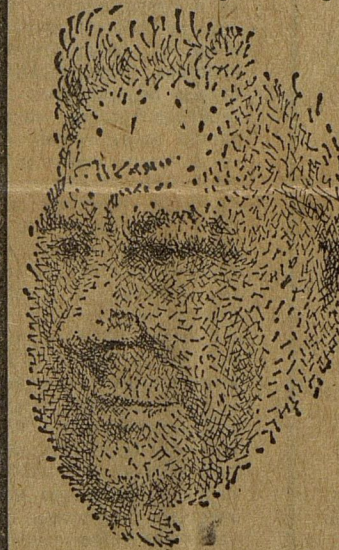
К нему недавно постучали в дверь необычные просители, обходившие всех «селебритей» (знаменитости) в Сен-Поль-де-Вансе. Серж спросил: «Скажите честно, на что пойдут средства: на политическую кампанию, издание антипольских и антисоветских листовок или на нужды Польши и ее рабочего класса?» Заграничные энтузиасты польской «Солидарности» ответили: «Конечно, на политическую кампанию!» «До свидания, — сказал Менджиски. — На это я картину не дам».

Во Франции часто удаётся объединить интеллигентные ложными идеями, вот как в данном случае идей «спасения Польши», — рассуждал он, припомнив этот случай. Средства информации и пропаганды полностью находятся в руках крупного капитала. Они грубейшим образом искажают политическую картину того, что делается в странах социализма. Сознание интеллигенции отравлено. Даже люди, почитающие себя левыми, на самом деле открыты для интоксикации. Реакционеры ловко опираясь на социал-демократию, сумели за последние десятилетия подсушить интеллигентские ложные критерии и ориентиры, а кроме того — что тайн правду? — сумели и материальными посулами перетянуть многих ее представителей на сторону капитала.

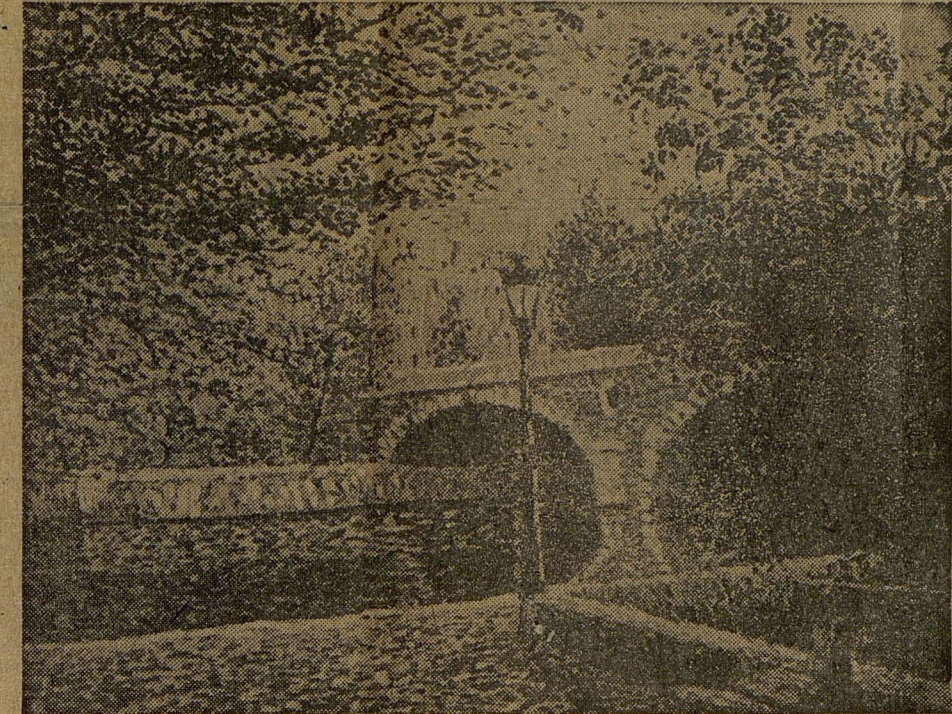
Зная вашу жизнь, нельзя не поражаться вашей стойкости — духовной и физической. Но вам оказалась свойственна и точно такая же политическая закалка. Вы вступили в Компартию Франции еще в юности...

Я могу за это поблагодарить своих родителей — они были коммунистами — и то воспитательное окружение, в котором рос. В сороковые годы, в войну и после войны сложились мои убеждения. А уже в пятидесятые годы я вместе с Пикассо, Жюлио-Кюри, Элюаром, Арагоном, Леже как их младший ученик и соратник участвовал во всех манифестациях и форумах за мир, против военной опасности. В 1958 году вместе с великим Пикассо и другими видными представителями культуры Франции я на правах члена делегации ездил в Москву. Мир, интернационализм, социализм — эти понятия, повторяю, с юности стали фундаментом моих убеждений благодаря великим примерам, в поклонении которым я формировался как художник и коммунист.

Александр САБОВ,
собственный корреспондент
«Литературной газеты»
СЕН-ПОЛЬ-ДЕ-ВАНС —
ПАРИЖ

СУДЬБА
ОДНОГО
ИНТЕЛЛИГЕНТА

Серж Менджиски. «Автопортрет»

«Кэ дэ Селестэн»

часть долга, а вечером обещал вернуть остаток. Но вечером он не пришел... Он не пришел ни через день, ни через два. Выписанные им чеки оказались не обеспечены вкладами.

Дирижер исчез. Его искали в Сене, шупая баграми дно, искали в моргах, безуспешно. Жена называла Сержу, банк предъявил ему счет на 750 тысяч франков. Это был крах. За пять дней Менджиски продал все: дом, картины, книги и остался в чем мать родила. И если бы он один! У него была новая семья, еще трое детей... И к тому же он тяжело заболел — инфаркт.

Почему он так неожиданно и быстро ворвался в живопись, снился признание, оказался завален заказами и приглашениями на выставки? Слушая свое странно подрагивавшее и замиравшее сердце, Серж вглядывался в прожитые тридцать четыре года своей жизни.

Он выставился впервые в 1958 году. В моде была «грустная живопись», в салонах царил Бернар Бюффе, писать «под Бюффе» означало быть в стиле и духе эпохи. Сцены депортации, плачущие вдовы, колонны беженцев, растерянные... Заседатая расстрелом, Серж отчуждал чувствовал, что подавляющее большинство живописцев ни разу не видели нарисованных ими сцен в жизни. Он выставился с полотнами, полными света и жизни, неуловимого света на предметах и лицах людей — вызывающая противоположность модел Дебют был ошеломляющим...

Но что было снова встать к мольберту, надо сначала поднаться.

Он вышел из больницы. Друзья встретили его и проводили домой.

И тут он испил до дна чашу предательства. Женщина, которую он любил, ушла; не в силах оставаться в доме, где все отступало до мольберта, подверглось судебной описки. Она отказалась даже от своих трех детей.

Его привлекли к ответственности за предьявление чеков без обеспечения, но осудили

же. Не согласится ли Менджиски стать представителем фирмы во Франции, а то даже в Западной Европе? Желательно было бы три-четыре раза в год прилетать в США по возможности крупными партиями картин. Все таможенные проблемы фирма берет на себя.

Обзвонив братьев по цеху, Менджиски заручился их обещаниями. В первый раз для отправки за океан собрали 800 картин. Но прошло три месяца — из США никаких вестей. Менджиски стал названивать в Нью-Йорк — фирма молчит.

То есть никакой фирмы реально не существовало, одна вывеска? — спросил я, вообразив очередной сюжет для Чарли Чаплина.

— Нет, — улыбнулся Менджиски, — в том-то и дело, что фирма существовала реально, но ради наживы пустила в самые жульнические аферы. Почему именно я был выбран для этой аферы, отгадать несложно. В связи со скандалом леграновским спектаклем имя мое не сходило со страниц газет, о zatrudнениях моих было известно. Я был идеальное наживкой еще и потому, что братья-художники мне верили, считались со мной. Так вот: в качестве гарантии для покрытия «налогов» и долгов фирмы были арестованы все 800 полотен, которые я отправил в США. Собирая друзей-художников у себя, рассказываю все как есть. Буря возмущения! Их было восемнадцать человек. Представьте: семнадцать из них подали на меня в суд...

В западном искусстве есть немало людей, ищущих рекламы с помощью так называемой «светской хроники». Сержа Менджиски она легко находила сама. Он предстал перед трибуналом, настолько уверенный в своей невиновности, что не потрудился даже взять адвоката. Это было по крайней мере неосмотрительно. Приговор его потряс: вернуть долг

старый и такой крупный долг взымало на Сержа правосудие его страны.

Клетка захлопнулась! Он собрал мольберт, краски, пожитки, расцеловал жену, детей и сел в жандармский «воронка».

И вот этот человек, обладавший неистощимым чувством юмора, во всех перипетиях жизни не терявший веру в торжество справедливости, и упрямо не выпускавший из руки кисть, начал свое последнее сражение. Он был лишен натуры, писал по памяти. Воздух и свет между предметами давали новые, незнакомые пропорции, окрашенные безысходностью тюремных сумерек, — он и в этом нашел утешение, отыскивал тоны в палитре темных цветов. Но судьба еще не кончила его бит. Процесс в Америке, поначалу представлявшийся его адвокатам «проблемой» нескольких дней, окончательно зашел в тупик. Его апелляция против судебных приговоров по искам таможни и банка безнадежно увязла в коридорах буржуазного правосудия.

Он просидел уже два года, когда его настиг новый удар. Это повторилось в третий раз в его жизни: пригласив нянюку на описанную за долги виллу, ушла жена. И пятый ребенок был оставлен ему. Но теперь его отделила от детей стена.

Вот когда он вырвал кисть. Не в камере стало темней: темнее стало в глазах. Он обнаружил, что не может точно положить мазок: предательски дрожала правая рука, а левой еще со времен гестаповских пыток он едва мог завязать шнурки.

Уже не только ему стало ясно, что чудовищная судебная машина, перемоловшая его с дубу, сама не повернет вспять. Закон неизменно, с неминуемой логикой сработал в одну сторону, подчиняясь частнособственническому инстинкту породившего его общества.